

А. Соколов

**Об исторических народных
песнях сербов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Соколов**
Об исторических народных песнях сербов / А. Соколов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 42 с.

ISBN 978-5-518-08204-5

ISBN 978-5-518-08204-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

племень, — Русскихъ, Поляковъ и Чеховъ. — Обитатели же турецкихъ провинцій должны во многомъ уступить своимъ родичамъ. Хотя въ послѣднее время сербское правительство дѣятельно заботится объ образованіи народа, — заводитъ училища, типографіи; но жители селъ и деревень еще надолго сохраняютъ нынѣшнюю суровость нравовъ и патріархальность въ образѣ жизни.

За то эти Сербы богаче своихъ соплеменниковъ народными пѣснями, особливо историческими: онѣ до сихъ поръ составляютъ единственную народную исторію, извѣстную всякому, — старому и малому. Даже теперь, каждое замѣчательное происшествіе, выходящее изъ порядка обыкновенной жизни, — битва съ Турками, удавой набѣгъ, смерть какого-нибудь знатнаго человѣка, богатая свадьба, — непременно находятъ для себя пѣвца между народомъ. Часто самъ герой дѣла воспѣваетъ свой подвигъ въ пѣснѣ, еще чаще какойнибудь старикъ-слѣпецъ, опытный пѣвунъ, сложитъ пѣсню на извѣстный случай, и пѣсня эта становится достояніемъ народа, и идетъ изъ устъ въ уста, отъ рода къ роду. Любовью къ пѣснямъ и умѣньемъ слагать ихъ всего болѣе отличаются жители Босніи, Герцеговины, гористыхъ южныхъ краевъ Сербіи, и особливо Черногорцы. — Въ этихъ краяхъ, всякій Сербъ непременно знаетъ нѣсколько пѣсенъ, каждый домъ имѣетъ *гусли*,*) необходимую принадлежность юнацкой

*) Гусли равно употребляются у Сербовъ Христіанъ и Мугаммеданъ. Это что-то въ родѣ скрипки. Широкая, выдолбленная часть гуслей (коробъ) оканчивается длиннымъ грифомъ; конскіе волосы замѣняютъ струны. Смычекъ, по-сербски *чудало*,

(молодецкой) пѣсни. Въ другихъ областяхъ, обитаемыхъ Сербами, хотя не менѣе любятъ пѣсни, но ужь нуждаются въ старцахъ-слѣпцахъ. Эти слѣпцы ходятъ изъ села въ село, останавливаются передъ домами, и поютъ свои расподіи, наигрывая на гуслихъ. Въ праздники, идутъ они къ монастырямъ и церквамъ, и по цѣлымъ днямъ поютъ собравшейся толгѣ про дѣла давно минувшихъ дней, про царя Лазаря, про битвы съ Турками. И такой вѣщій старецъ съ своими гуслими находитъ вездѣ ласковый приемъ и угощеніе. Любовь къ славѣ, увѣковѣченной пѣснями, такъ велика, что самъ Марко Королевичъ (герой изъ героевъ сербской народной поэзіи), умирая, завѣщалъ треть своего богатства слѣпцамъ: «пусть-де слѣпцы ходятъ по свѣту, пусть поютъ и поминаютъ Марка.»

Для насъ эти пѣсни тѣмъ любопытнѣе, что въ нихъ отражается весь Сербъ, каковъ онъ есть, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Желаніи узнать характеръ этого народа непремѣнно долженъ обратиться къ пѣснямъ, и — смѣемъ увѣрить — не пожалѣетъ времени, посвященнаго на изученіе ихъ. — Въ настоящее время, это изученіе облегчено трудами многихъ усердныхъ дѣятелей, собиравшихъ народныя произведенія. Между такими собирателями первое мѣсто по достоинству и обилію трудовъ занимаетъ Вукъ Сте-

есть согнутая вѣтвь дерева, на которой натянуты конскіе волосы. Во время игры ставятъ инструментъ на колѣни, держа въ лѣвой рукѣ грифъ, а въ правой смычекъ. Гусли издають звукъ грубый и неприятный. Сербскіе виртуозы умѣютъ разнообразить ихъ тоны, то переставляя пальцы лѣвой руки, то болѣе или менѣе ускоряя удары смычка.

фановичъ Караджичъ. *) Самъ вышедшій изъ среды народа, знакомый съ его языкомъ, правами и повѣрьями, — Вукъ Стефановичъ имѣлъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой, возможности и склонности — посвятить себя народной литературѣ, и въ своихъ трудахъ онъ представлялъ намъ богатые матеріалы для изученія своего народа. Обратимся къ главному предмету нашей статьи, къ его Собиранію Народныхъ Сербскихъ Пѣсень. **)

Передъ нами послѣднее изданіе этой книги въ 3-хъ большихъ томахъ (*Српске Народне Пјесме*, Вѣна 1841, 1845 и 1846 г. 8°, I — 640 стр., II — 643, III — 568). Первый томъ

*) Родился въ 1787 г. — О его жизни и трудахъ смотри прекрасную статью, помѣщенную въ Московскомъ Сборникѣ.

**) Въ первый разъ изданы эти пѣсни въ 1814 г. Второе изданіе, въ трехъ книгахъ, вышло въ 1823 и 1824 г.; къ нему еще была присоединена 4-я книга въ 1833 г. — Онѣ встрѣчены были публикой съ любопытствомъ, и вскорѣ переведены на языки — нѣмецкій (*Volkslieder der Serben, von Talvj, 2 Th. Halle 1825, 1826. Die Wila, von Gerhardt, 2 Th. Leipzig 1828*), французскій (*Chants populaires des Serviens, par E. Voyard*) и англійскій (*Servian Popular Poetry, by John Bowring. London 1827.*) — У насъ также обратили вниманіе на сербскія пѣсни: Пушкинъ перевелъ двѣ изъ нихъ — «Соловей» и «Братъ и Сестра;» гг. Касторскій и Бергъ напечатали нѣсколько своихъ переводовъ. — Кстати будетъ упомянуть здѣсь и о поддѣлкѣ г. Меримѣ. Книга его «*La Guzla*,» содержащая, (будто бы) переводъ сербскихъ пѣсень, ввела въ заблужденіе многихъ. Впрочемъ, судя по тѣмъ пѣснямъ, которыя переведены изъ Меримѣ Пушкинскимъ, видно, что авторъ рѣшительно не былъ знакомъ съ сербской народной поэзіей. Самое замѣчательное въ его книгѣ — есть разсказъ о жизни лавина Меглановича, вымыселъ, переданный съ удивительнымъ правдоподобіемъ.

заключаетъ въ себѣ женскія, или лирическія, пѣсни, числомъ 793; второй — юнацкія (героическія) пѣсни, относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ, числомъ 101; третій 89 юнацкихъ пѣсенъ позднѣйшаго періода. Долженъ выйти еще 4-й томъ, въ который войдутъ пѣсни, принадлежащія новѣйшему времени.

По формѣ и содержанію, эти пѣсни дѣлятся — главнымъ образомъ — на двѣ части: женскія и юнацкія. Такое дѣленіе допустилъ и самъ издатель. «Всѣ наши пѣсни — говоритъ онъ — раздѣляются на юнацкія, которыя поются съ гуслями, и на женскія, которыя поются не только женщинами и дѣвущками, но и мужчинами, особливо парнями, и — по большей части — вдвоемъ. Женскія пѣсни поются — однимъ-ли, двумя ли — для собственнаго развлеченія; а юнацкія — большею частью — поются для того, чтобъ другіе слушали. Поэтому въ женской пѣснѣ больше обращается вниманія на голосъ ея, чѣмъ на содержаніе; а въ юнацкой — больше на содержаніе.» *)

Женскія, или лирическія, пѣсни отличаются развообразіемъ размѣра, живостью разказа. Содержаніе ихъ — домашній бытъ съ его радостями и печалями: любовь къ роднымъ, къ милому, разлука съ милымъ и т. п., однимъ словомъ, то, что не выходитъ изъ круга семейной жизни. — Такъ-какъ статья эта посвящена пѣснямъ историческимъ, то мы не вдадимся въ ближайшее разсмотрѣніе характера пѣсенъ лириче-

*) Предисловіе Вука Стефановича ко 2-му изданію сербскихъ пѣсенъ.

скихъ; но чтобъ дать читателямъ нѣкоторое понятіе о нихъ, приведемъ пять - шесть въ дословномъ переводѣ.

1.

Дѣвушка сидѣла покрай моря и говорила сама съ собой: «Господи Боже мой! Есть ли что—шире моря? Есть ли что—длиннѣе поля? Есть ли что—быстрѣе коня? Есть ли что—слаще меду? Есть ли что—дороже брата?» — Говорила ей рыбка изъ воды: «глупенькая ты дѣвушка! небо—шире моря, море—длиннѣе поля, очи—быстрѣе коня, сахаръ—слаще меду, милый—дороже брата.»

2.

Олень щиплетъ траву по горѣ. Одинъ день щиплетъ, на другой день тоскуетъ, на третій — горько жалуется. Спрашивала его *вила* (русалка) съ горы: «скажи мнѣ, лѣсной звѣрь-олень, отчего ты одинъ день щиплешь траву по горѣ, на другой день тоскуешь, на третій—горько жалуешься?» Отвѣчаетъ ей тихо олень: «сестра моя, горная вила! у меня большое горе: была у меня лань; пошла она за гору къ рѣкѣ, пошла да назадъ неврходитъ. Заблудилась ли она гдѣ-нибудь на пути, или ее поймали ловцы, или она оставила меня совсѣмъ и полюбила другаго оленя?! Если она заблудилась,—дай Богъ, чтобъ поскорѣе нашла меня; если ее поймали ловцы,—дай Богъ, чтобъ и я попался имъ; если она оставила меня и полюбила другаго оленя,—дай Богъ, чтобъ ее поймали ловцы!»

3.

Дѣвушка спорила съ солнцемъ: «яркое солнце! я красивѣе тебя, тебя и брата твоего, свѣтлаго мѣсяца, и твоей се-

стры, звѣзды переходной, что проходить черезъ ясное небо, какъ пастухъ передъ бѣлыми овцами.»—Яркое солнце жаловалось Богу: «что мнѣ дѣлать, Господи, съ проклятой дѣвухой?» А Богъ солнцу тихо отвѣчаетъ: яркое солнце, мое дорогое чадо! не сердись, будь повеселѣе: мы легко управимся съ дѣвицей. Ты засияй такъ, чтобы она загорѣла; а я дамъ ей недобрую долю: малыхъ деверей, злую свекровку и сердитаго свекра. Тутъ-то узнаетъ она, съ кѣмъ вдувала спорить.

4.

Вчера пришла ко мнѣ горькая вѣсточка, горькая вѣсточка въ злую пору, — что милая моя выходить за мужъ, и за кого же?—(это еще досаднѣе!) за моего побратима, и побратимъ зоветъ меня къ себѣ въ дружкки. Какъ буду я, бѣдный, дружкой? Что я скажу, когда стану пить за ея здоровье? Сказать ли ей: здравствуй, сноха моя! или сказать: здравствуй, милая моя! Сказалъ бы: «здравствуй, сноха моя,» — да не одолѣтъ мнѣ своего сердца; если скажу: «здравствуй, милая моя,» — досадно будетъ моему побратиму. Горько идти туда, вдвое хуже не идти!

5.

Три дѣвушки посѣяли цвѣточки: на горѣ — незабудки, подъ горой — васильки. Прилучился неженатый паренъ, поерывалъ у дѣвухекъ цвѣточки. А дѣвушки сплели тенета, и поймали холостаго парня. Одна говорить: сождемъ его! Другая говорить: прогонимъ его! Третья говорить: повѣсимъ его! Промолвилъ имъ неженатый паренъ: «я вѣдь не золото: такъ вы меня не жгите; я вѣдь не колдунья: не го-

ните меня; а я молодецъ: такъ вы меня повѣсьте на зломъ деревѣ — на дѣвичей шеѣ!»

6.

Милая моя! вышла ли ты за-мужъ? — «Да, мой милый, вышла, и у меня ужъ есть дятя. Я дала ему твое имя. Когда зову его, чтобы утѣшить себя, то не говорю: поди сюда, сыночикъ! а говорю: поди сюда, мой милый!»

Теперь обратимся къ историческимъ пѣснямъ.

Историческія пѣсни обширнѣе лирическихъ: немногія имѣютъ меньше ста стиховъ; всего чаще — отъ 200 до 400 и болѣе; есть даже свыше тысячи. Онѣ всѣ вообще имѣютъ одинаковый размѣръ, т. е. каждый стихъ ихъ состоитъ изъ 10 слоговъ, съ цезурой послѣ четвертаго: это правило такъ строго соблюдается, что во всѣхъ изданныхъ пѣсняхъ нѣтъ ни одной погрѣшности противъ него. Впрочемъ это легко для Серба по свойству его языка, который допускаетъ сокращенія словъ, выпускъ нѣкоторыхъ гласныхъ и т. п. Ритмы нѣтъ; иногда только попадаются созвучія, и чаще въ оборотахъ топическихъ, которые цѣликомъ повторяются въ разныхъ пѣсняхъ. Не привожу примѣровъ, потому что такія повторенія принадлежатъ всякой народной поэзій, и извѣстны всѣмъ. Точно также постоянно повторяются въ разныхъ мѣстахъ извѣстныя сравненія, эпитеты, придаваемые предметамъ, которые всего чаще попадаютъ въ пѣсняхъ. На пр., въ описаніи войска: «копья боевыя — какъ черная гора, знамена — какъ облака, а шатры — какъ снѣга.» Такъ о какомъ-нибудь небываломъ событіи говорится: «не случилось этого съ тѣхъ поръ, какъ почернѣлъ воронъ.»

Изъ эпитетовъ самыя употребительныя: холодное вино, красное вино, студеный камень, господскія рѣчи (т. е. свойственныя господину, важныя, благородныя,) господское лицо, соколиныя очи, черная земля, яркое солнце, бѣлый дворъ, бѣлая башня и мн. др. — Что касается до языка пѣсеннаго, то — конечно — онъ измѣнялся съ теченіемъ времени, — и старыя пѣсни дошли до насъ не въ томъ самокъ видѣ, въ какомъ вышли изъ устъ пѣвца. Однакожъ замѣчательно, что хоть старыя пѣсни переимчивались, переходя изъ рода въ родъ: все таки ямкъ ихъ чище, чѣмъ въ новѣйшихъ, и меньше заключаетъ въ себѣ турецкихъ словъ.

Начало пѣсенъ бываетъ различно. Иныя начинаются сравненіемъ, столь обыкновеннымъ въ нашей народной поэзіи. На пр. «громъ ли это гремитъ, земля ли трясется, или море ударяетъ въ берега? нѣтъ, это не громъ» и т. д. или: «что бѣгнетъ тамъ на зеленой горѣ: снѣга ли это, или лебеди? Кабы снѣга, они давно бы растаяли; кабы лебеди, — давно бы улеглись. Это шатерь Асанъ-Аги.» Таково же начало пѣсни, переведенной Пушкинымъ: «двѣ сосны вырастали рядомъ, между ними тонковерхая елка: не двѣ сосны то были, а два родные брата, между ними сестра ихъ Елица.» Нерѣдко разсказъ начинается словами: «еще заря не заблѣлась и денница не показала своего лица.» — Въ заключеніе также иногда что-нибудь прибавляется отъ пѣвца. На пр. «такъ было прежде, а теперь этого нѣтъ!» или: «такъ было, когда это случилось, — а теперь только разсказывается объ этомъ;» также: «тотъ лгалъ, кто мнѣ это сказывалъ; тотъ лгалъ, а я прилыгаю.» Иногда заключеніе

пѣсни поражаетъ слушателя неожиданностью и ловкостью оборота. Изъ многихъ примѣровъ привожу одинъ. У Секулы, племянника Явка Сибинянина (извѣстнаго Іоанна Гуниада, который также играетъ не послѣднюю роль въ сербскихъ преданіяхъ), есть невѣста. Ее сватаетъ еще Паша, и дѣвушка, обольщенная богатствомъ, отказываетъ Секулѣ. Секула вызываетъ Пашу на поединокъ, и во время бою такъ сильно ударяетъ его саблей, что разрубаетъ его на-двое съ головы до сѣдла, разсѣкаетъ сѣдло подъ нимъ, и даже лошадь захватываетъ саблей. Вотъ короткое содержаніе пѣсни. Дѣло кончено: послѣ такого удалаго подвига, кажется, нечего прибавить. Но пѣвецъ продолжаетъ: «какъ услышалъ объ этомъ Сибинянинъ Явко, не хулитъ онъ и не хвалитъ, а насмѣхается и говоритъ Секулѣ: «страшный воинъ! удалой боецъ! Чѣмъ отсохла у тебя рука по локоть! Такъ чтоли должно рубить Турка?! Кабы то ударилъ Явко Сибинянинъ, — онъ разсѣкъ бы и всадника и коня, да еще и землю прихватилъ бы саблей.»

Начните читать сербскія пѣсни. При самомъ первомъ взглядѣ на содержаніе и на героевъ, дѣйствующихъ въ нихъ, вамъ бросится въ глаза главная черта этихъ пѣсней — воинственность. И это очень естественно у такого народа, какъ Сербы, и объясняется ихъ исторіей. Съ XIV вѣка, къ которому относятся древнѣйшія историческія пѣсни, Сербы находились въ безпрестанной борьбѣ съ Турками: сперва при своихъ Царяхъ и Деспотахъ, потомъ — какъ *зайдуки*. Духъ воинственный никогда не угасалъ въ нихъ; до сихъ поръ храбрость почитается лучшимъ достоинствомъ мужчины; оружіе

составляетъ необходимую принадлежность каждаго. Посмотрите на Черногорцевъ: защищенные своими горами отъ гнета турецкой власти, до сихъ поръ сохранившіе свою полудикую вольность, — Черногорцы, какъ нѣкогда наши Запорожцы, почитали и почитаютъ цѣлью своей жизни — борьбу съ Навѣрными. — Вотъ анекдотъ, который хорошо характеризуетъ это воинственное племя. Одного русскаго путешественника спрашивалъ его проводникъ Черногорецъ: «бывалъ ли ты въ набѣгахъ на Турокъ?» — Нѣтъ, не бывалъ, — отвѣчалъ путешественникъ. — «Эхъ, вскричалъ Черногорецъ, такъ ты вѣкъ проживешь дѣвушкой!» — Такой образъ жизни долженъ былъ по необходимости отразиться въ поэзіи: и вотъ, какъ у казаковъ — думы, такъ у Сербовъ — юнацкія пѣсни. Кровавая борьба на жизнь и смерть съ Турками — вотъ ихъ содержаніе; Сербія, то стонущая подъ вѣгомъ турецкимъ, то ликующая побѣду надъ врагами, — вотъ главное дѣйствующее лицо, неизбѣжно являющееся въ воображеніи каждаго, кто читаетъ эти юнацкія пѣсни.

Что касается до героевъ этихъ пѣсень, нѣкоторые изъ нихъ извѣстны намъ изъ исторіи; таковы: Царь Стефанъ Душанъ, Марко Королевичъ, Князь Лазарь, Милошъ Обиличъ, Янко Сибинявинъ (Юаннъ Гунадь) и др. За то многіе сохранили свои имена только въ пѣсняхъ, въ памяти народа: исторія ихъ не знаетъ. — Какъ вообще въ народной поэзіи, чудесное и сверхъ-естественное играютъ важную роль въ подвигахъ героевъ сербскихъ. Почти каждый изъ нихъ отличается необыкновенной силой, удивительной храбростью: поражаетъ враговъ десятками, даже сотнями, по-трое нани-